

A close-up photograph of a bouquet of pink roses. The roses are in various stages of bloom, with delicate petals showing shades of pink and orange. They are resting on a white, slightly wrinkled fabric. The background is softly blurred, showing more of the bouquet and some greenery.

Владимир Романюк

*Страсти
по любви*

Владимир Романюк

Страсти по любви

«Издательские решения»

Романюк В. С.

Страсти по любви / В. С. Романюк — «Издательские решения»,

Это моя попытка понять самое удивительное чувство на планете Земля — любовь и самое загадочное существо на ней — женщину. Возможно, там, где-то между строк, вы встретите знакомых и даже узнаете себя. Книга является сборником произведений, написанных в разное время и в разных жанрах. Реальность переплетается с фантазией, мечты соседствуют с прозой жизни, а логика с сюрреализмом. И всё это пропитано юмором, интригами, нежностью и страстью.

© Романюк В. С.

© Издательские решения

Содержание

Здравствуй!	6
Стоп, снято!	7
Вечная любовь	8
Счастье	10
Ау, отзовись!	11
Адам и Ева	12
Солнечный мальчик	13
Памятка принцу	17
Весенняя повесть	18
Black Coffee	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Страсти по любви

Владимир Степанович Романюк

© Владимир Степанович Романюк, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Здравствуй!

Здравствуй, моя нежная!

Я много слышал о тебе, но, если быть честным, то так до конца себе и не представляю, как ты выглядишь. Мне почему-то кажется, что ты похожа на мягкую и пушистую кошку, мурлыкающую рядом с любящим тебя человеком. Прижавшись друг к другу, мы будем вместе коротать вечера у камина, пить из больших чашек чай с лимоном, смотреть друг другу в глаза и говорить ласковые и тёплые слова.

Здравствуй, моя женственная!

Говорят, что такие как ты где-то ещё сохранились. По крайней мере, я очень в это верю. Я очень верю в то, что ещё не у всех такие женские качества, как эмоциональность и чувствительность уничтожены временем, изъедены матёрым феминизмом и превращены эпохой «юнисекс» в ничего не значащие слова. Я очень верю, что где-то есть ты – нуждающаяся в моей защите, хрупкая, слабая, искренняя, заботливая, скромная, мудрая и любящая.

Здравствуй, моя верная.

Я очень надеюсь, что это качество не пылится у тебя опутанным паутиной и забытым где-то в дальнем углу души. Никто не требует от тебя быть похожей на жён декабристов, отправившихся за своими мужьями на каторгу. Нет, я не заслуживаю такой жертвы, да и время сейчас другое. Просто хочется быть спокойным за тыл, какие бы передраги не устраивала жизнь. Просто хочется надеяться на то, что тебя не предадут и не поменяют, как стоптанные башмаки. Просто хочется быть единственным для тебя, для тебя – единственной. Неужели, я прошу слишком многого?

Здравствуй, моя сексуальная!

Здравствуй, сводящая с ума, рядом с которой хочется забыть обо всё на свете. Здравствуй та, чьи чувства ярче звёзд, а ласки слаще самых изысканных сладостей. Здравствуй та, в объятиях которой раскрывается рай. Здравствуй, моя добрая и заботливая, отзывчивая, терпеливая и мудрая, чуткая и всё понимающая. Пишу тебе это письмо, надеясь на то, что ты не моя фантазия и мы с тобой когда-нибудь обязательно встретимся. И тогда я подойду к тебе и скажу: «Здравствуй, моя любовь!»

Стоп, снято!

– Не смотри на меня так. Пожалуйста.

– Почему?

– Потому что твой взгляд с каждой секундой затягивает всё больше и больше. Я чувствую, как пропадаю. Ещё немного и обратного пути уже не будет, и я никогда не смогу выплыть из этого омута. Прошу тебя, не смотри, пожалей. Ты уйдёшь, а мне жить. А как жить без тебя?

– У тебя руки холодные. И сердце. Оно похоже на льдинку. Я отопрею его. Молчи, не нужно никаких слов. Просто доверься мне.

– Ты сошла с ума? Ты же целуешь меня? Зачем? Вкус твоей помады навечно отчеканится в моей памяти, а аромат твоей кожи проникнет в каждую клеточку моего тела. Всю оставшуюся жизнь мне придётся всех женщин сравнивать с тобой. Ты понимаешь? – Всю оставшуюся жизнь мне придётся искать твою копию. Ты это понимаешь? А таких, как ты, таких, как ты, больше нет. Потому что во Вселенной только одна женщина может быть Совершенной. Ты обрекаешь меня на вечный поиск. И на одиночество.

– Там застёжка, осторожно. Немного ниже, ещё ниже. Смелее же! Подожди, я сама... Да не торопись так. Осторожнее. Жить надо настоящим! Прижми меня сильнее. Ещё сильнее. Молчи! Вселенная существует только сейчас и только для нас двоих. Ты это понимаешь? Не важно, что будет завтра! Завтра может не быть вообще! Люби меня сейчас, в эту секунду! Пусть завтра мир перевернётся вверх ногами, а сегодня мы будем счастливы!!

– Стоп, камера! Снято! Свет в студию. Всем спасибо. Жду всех завтра в восемь.

– Ты почему плачешь?

– Так это было только кино? А как же я? Я же была готова отдать тебе всё своё тепло. Всё без остатка. Я была готова раствориться в тебе, стать частью тебя, а ты всё это придумал? Всё придумал? Всё-всё? Всю нашу любовь? Скажи, что это не правда? Прошу тебя, пожалуйста, скажи, что это просто шутка. Я же не смогу жить без нашей любви! Я не смогу жить без тебя!

Вечная любовь

- Приветтики! Почему так долго не отвечал? Не хотел встречаться?
- Здравствуй. Для тебя это так важно?
- Конечно. А для тебя? Неужели ты всё забыл? Всё, что между нами тогда было?
- Почему же, помню...
- До сих пор не можешь меня простить?
- Кто, я?
- Ты.
- Но это уже не я.
- В смысле?

– В прямом. Жил на планете Земля мальчик. Юноша, можно сказать. Звали его... Да, в общем-то, не важно, как его звали. Но он жил давным-давно. Я только часть его. Всего лишь часть. И то, далеко не самая лучшая. Мне не за что тебя прощать. Мне ты не изменяла.

– Прости. Если можешь. Пожалуйста. Сука я, тварь продажная. Предала нас тогда, предала наши чувства, предала нашу любовь. Ради импортных тряпок, машины, кооперативной квартиры и всей остальной блестящей мишуры. Думала, что всё это сделает меня счастливой. Мы тебя вдвоём тогда предали. Я и твой лучший друг. Как ты тогда сказал? – Предательство – плохой фундамент для счастья. Как в воду глядел.

Всё есть: дети, положение, состояние. Бабушкой вот опять стала. А счастья, как не было, так и нет. Растоптала я тогда своё счастье. Убила я его тогда, своими же руками убила.

– У любого преступления есть срок давности. Двадцать пять лет ведь уже прошло.

– Знаешь, я всегда только тебя любила. Целовала его, а перед глазами ты. И когда в постель с ним ложилась, тебя представляла. Глупо, правда? А он и не любил-то меня никогда. Тебе завидовал. И из зависти решил на мне жениться. Только, чтобы я тебе не досталось. Сам как-то спяну признался.

Ты всегда был лучшим. Гордость школы! А он завидовал. Тому, с какой лёгкостью ты выигрывал школьные олимпиады и побеждал в соревнованиях. И решил во что бы то ни стало хоть в чём-то стать первым.

Завалил подарками. Розы охапками, рестораны, золотые колечки и серёжки. Сам знаешь, кем у него родители тогда были. На свадьбу они нам машину подарили. Через год, когда сын родился, кооператив помогли организовать.

Представляешь, у сына глаза, такие же, как у тебя – зелёные. Весь в папашу своего. Точная его копия. И характер его. А глаза, как у тебя – одновременно с ухмылкой и с какой-то затаённой в глубине тоской. Наверное, потому что я о тебе много во время беременности думала. Хотя, глупость всё это. Сам-то, как?

– Нормально.

– И всё?

– А семья, дети?

– Да как-то не случилось. То ли я не тех любил, то ли меня не те. А может, планку поднял для своей избранницы на столько, что сам уже до неё не дотягиваюсь. Даже в прыжке. Да и не рождён я для семейной жизни.

– Скажи честно, меня ждал? Ждал, что вернусь? Мне это очень важно знать. Я понимаю, что ничего уже не исправишь. Просто, мне станет немного легче, если буду знать, что хоть кто-то меня любил.

– Извини, мне пора идти. Как-нибудь в другой раз встретимся и поговорим. Правда, мне пора. Пока.

– Подожди. Другого раза не будет.

– Как хочешь.

– Ты не понял. Меня уже не будет. Рак у меня. Неоперабельный. Только несколько месяцев врачи дают.

– Что?

– То. Рак. Только скажи, не женился, потому что меня любил всё это время? И прости. Прости за всё. Пожалуйста.

– Не уходи.

– Что?

– Не уходи! Сколько, ты говоришь, у нас есть? – Два месяца?

– Два месяца.

– Нет, не правда! У нас есть два месяца счастья! Целых два! Иди сюда! Любил ли я тебя? Ждал ли я? Спросишь тоже...

Счастье

«Она смотрела в окно и ни о чём не думала. Потому что думать и мечтать – не одно и то же. Она мечтала о счастье. Счастье представлялось ей большим, голубоглазым и нежным. Но телефон молчал. Счастье не знало ещё её номера»

Он постоянно ловил себя на мысли о том, что она о нем думает. Подходя к зеркалу, недоуменно пожимал плечами. Почему она представляет его большим? Разве чудо размером метр сорок в прыжке недостойно счастья? И почему счастье обязательно должно быть голубоглазым? Неужели, в его мутные глаза, цвет которых очень трудно определить, нельзя смотреть с нежностью? Его мозолистые, огрубевшие от работы руки почесали небритую щеку. Очень странно. Она дважды в день проходит мимо него, когда он ломом долбит лед и ни разу на все его приветствия даже не повернула голову. И она ждет его звонка? Счастье не знает ее телефона... Да он знает не только номер ее телефона, но и способен отличить одну от другой все ее реснички. По цвету помады на её губах он уже давно научился определять, куда она собралась, а по походке – ее настроение. Странно все. Звонить или не звонить? Вы ждете счастье?

Ау, отзовись!

«Взяться за руки и убежать от одиночества» – как вам такой расклад? Лаконично? Или лучше написать, что общительный мужчина, обязательно добавить – адекватный, с нерастраченным запасом нежности и любви готов подарить вам своё присутствие. В смысле, своё присутствие в вашей жизни. Безвозмездно и в необходимом вам объёме.

Нет, пожалуй, суховато и пресновато. Я бы даже сказал, казённо как-то, ага. Да и на счёт безвозмездности, кажется, перебор. Хочется, всё-таки, взаимной любви. Или чего-то подобного.

Забраться вдвоём под одеяло и слушать, как молодая осень за окном колошматит холодным дождём по состарившемуся лету. А потом среди этого шума уловить стук наших сердец. И станет на душе тепло-тепло. У нас, у обоих.

Состарившееся лето... Сказанул тоже. Признаться-то самому себе в том, что это не лето виновато, а сам отцвёл, как ромашка, не хочется.

И чего только я не писал на том сайте знакомств. То ищу Анку. Пулемёт ржавеет, блин. То, представитель внеземного разума с планеты Любовь. Или это было целое созвездие? Даже уже и не помню.

«Я пока не знаю, как тебя зовут. Видел тебя всего несколько раз, да и то только во сне. Тебе нравилось, как я тебя называл Милая и Солнышко. Если это была ты – отзовись».

Теперь-то точно повезёт! Должно же когда-нибудь! Седьмой год ведь уже здесь!

Адам и Ева

Шел Адам. Вдруг выпало у него ребро.

– Су... Бл ..., – или – Твою..., – что он тогда произнес, история об этом умалчивает, но слово стало делом (Это не я придумал. У особо продвинутых дам на сайтах знакомств встречается)

– Кто сможет полюбить вредную и капризную женщину? Или мне самой себя любить? – произнесла Ева, нагло глядя на Адама.

– Вот оно, счастье, – думал про себя Адам, – Кажется, не врет. Не только яблоки растут в аду. Твою..., в раю (в последнее время он часто путал слова ад и рай.) Бананы, огурцы... Придется выполнять супружеский долг. Заранее приготовленная отмазка «Некогда, иду на мамонта» – не пройдет. Вдруг, она потом потребует мясо и шкуру?

Он в надежде оглянулся. К сожалению, других леди он не обнаружил. В мозгу крутилась одна идея. Идея ему нравилась.

Ева ему уже моргала из пещеры

– Дорогой! – шкура, как бы случайно слетела с нею.

– Иду, – произнес Адам. В голове крутилось – Виноград! Огонь! Змеевик?

Через какое-то время.

– Дорогой, завтра приезжает мама!

Твою... Накаркал себе...

– Ты хочешь сказать, прилетает?

От удара все закружилось. Неудачная попытка пошутить. Тогда слабый пол еще не знал о том, что он слабый и даже об этом не догадывался.

Виноград. Огонь. Змеевик. Тут его осенило – Геология! Что может быть проще. Открыть медь и порядок.

Он уже не задавал себе вопрос, откуда взялась теща? Все мысли были лишь о том, успеет от к ее приезду или нет?

– Дорогой! В соседнем раю продается шикарная шкура!

– Твою... Она умеет читать мысли. Теперь придется открывать и золото. Виноград! Огонь! Змеевик! Виноград! Огонь! Змеевик!

– Как ты маму назвал? – Зме...

Солнечный мальчик

Предисловие:

Это всего лишь моя попытка заглянуть в загадочную женскую душу. Возможно, она Вам не понравится, Вы посчитаете её вульгарной, почувствуете омерзение к ней и отторжение. Так или иначе, мне бы очень хотелось, чтобы Вы поделились теми чувствами, которые она вызвала. Как и любой человек, я на всё смотрю со своей колокольни, с точки зрения своей испорченности, своих предрассудков, комплексов, несостоявшихся и незавершённых гештальтов, но поверьте мне на слово, написано всё искренне, без всяких многоэтажных смыслов, без задних мыслей и без каких-либо намёков.

Итак, погружаемся:

Одиночество – сволочь! Сколько угодно долго можно выпендриваться перед подругами, пытаюсь убедить их, а на самом-то деле в первую очередь себя, родную, в том, что тебе, мол, никто не нужен, тебе и так хорошо, да и вообще, пошли они, эти кактусоподобнонебритые самцы, от пота солёные на вкус, пропитанные алкогольно-табачным перегаром, вонючим тройным одеколоном, бензином, солярой, рыбой, тиной, навозными червями и опарышами, изысканными букетами, состоящими из ароматов отечественного парфюма и неделю нестираного нижнего белья, дешёвых городских шалав и прошмандовок всех мастей, куда подальше, но вечерами, когда планета Земля сужается до уровня типовых, в лучшем случае, двушек, своими габаритами и удобствами больше напоминающих гибриды скворечников с собачьими будками, от безысходности хочется выть и бросаться на стены, загнавшими в угол, заточившими в железобетон израненную душу, и ставшими склепом для твоего, жаждущего тепла и ласки тела. А проклятая гордость не позволяет выйти на балкон и крикнуть: «Караул! Пропадаю зря! Где же вы, родненькие, где? Ну хоть кто-нибудь, ау!»

Пусть, не орлы, нагло отбивающие у матёрых волков добычу и взмывающие с ней высоко-высоко под самую крышу неба, пусть не они, пусть, но хотя бы способные немножко приподнять над каждодневно убивающей тебя серостью и загоняющим в зелёную тоску пресным бытием, эти-то должны где-то быть? Неужели, подарить девушке кусочек сказки, желающих уже не найти? А как же, всех тварей по паре, а? Хуже меня уже и нет никого, что ли? Да вот же, смотрите! И сиськи на месте, и как говорится, и она, ага. И зад пока ещё ничего, не отвис, между прочим. Вот же, кручу им перед зеркалом в облегающем вечернем платье. Очень даже аппетитный, особенно, если как следует вильнуть и на развороте трясануть.

Да заденьте ненароком его в супермаркете или прижмитесь ко мне в переполненном трамвае. Хотя бы так докажите, что в вас осталось ещё что-то мужское. Взгляд-то двусмысленный вслед бросить можете или и это вам жалко, вашу мать?

А в ответ тишина. И ни один гандон не поможет расстегнуть молнию на спине, стой на шпильках в центре комнаты хоть до скончания света пока не околеешь, ни одна сука не обнимет и не шепнёт на ушко ласковое слово.

Когда все питерские разводные мосты начинают ассоциироваться с «осквернённым» арт-группой Война Литейным – это всё, это хана! Точка возврата пройдена и теперь тебе, дорогуша, прямая дорога из Одноклассников и из Вконтактов, на Мамбу и далее по наклонной в сети интимных знакомств, и в ад порносайтов.

А может, уподобиться своей лучшей подруге детства Светке, с которой мы общаемся в Одноклассниках и приобрести в сексшопе томакруза для индивидуального использования и ну его всё на? Уж больно ехидно хихикнула вчера эта паскуда Леденёва или Бledenёва, как её там, когда пожаловалась девочкам, что ногти на указательном и среднем пальце постоянно ломаются. К счастью, краснеть я не умею, а то меня в этот момент можно было бы запросто со свеклой перепутать. Одиночество, будь оно неладно.

А вот и Одноклассники, наконец, обновились. Даже Федькин, мудака, перестал писать. Мудак – он и есть мудака. Хотя, он последний из могикан, из тех, с кем я на этом грёбаном сайте познакомилась. Другие и неделю общения не выдерживали. Хор бы из этих недоносков сделать. Сводная капелла престарелых мальчиков онанистов исполнит украинскую народную песню «Як на хуторі ми письки дрючували» Умереть – не встать. Альфа самцы, блин!

Так, на ловца и зверь бежит. Заглянул какой-то седовласый лохматик. Божий одуванчик, ага. Просится в друзья. Стрёмный какой-то. Снизойти до бедолаги? Ну давай, удиви, красавЕц. Дам тебе шанс. Но только один! Если с первого письма не заинтригуешь – в игнор!

«Привет! Я Толян Павлухин, помнишь такого? Хотя, прошла уже вечность с момента нашей встречи, да и были мы вместе всего одну ночь. А я вот тебя, Ленка, никак забыть не могу. Глаза закрываю и тебя вижу. Как-будто вчера всё было.»

Однако... Толян, Толян Павлухин. Вообще ничего! Никаких воспоминаний! Почему я должна его помнить? Проведённая вместе ночь... Очередной шизик на мою голову. Всё, срочно сваливаю в люлю! Ну его к лешему, этого Толяна Павлуха. Завтра разберёмся.

Сон не шёл. И час, и два, и три. Стада пересчитанных слонов, мамонтов и прочей живности не помогали, а, похоже, наоборот – отпугивали сновидения. Здорово же вывело меня из состояния равновесия это письмо, будь одно неладно. Не могла же я забыть проведённую с мужчиной ночь? Да и не много их было у меня, если честно.

Так, будем считать. Экс муж – раз, заведующий плодоовощной базой и моими эротическими фантазиями на протяжении почти десяти лет и ставший по сути вице мужем Гоша – два. Кто ещё? Ах, да, мой первый, он же одноклассник и скорострел Юрка. Этот спринтер управлялся за тридцать секунд. Но потом компенсировал, ага. Что он вытворял своим блудливым язычком – слов нет! И это во времена, когда секса в стране не было вообще. Его у меня комсорг школы, Розочка плешивая, увела. Гадина! К счастью, недолго он её баловал. Их завуч в раздевалке застукала. Обоих попёрли со школы.

После школы был институт и Сашка Гаубица, своим калибром без проблем покорявший самые защищаемые на факультете крепости. Тот ещё козёл! К нему постоянно очередь стояла и желающих испытать райское наслаждение. К четвёртому курсу Сашку Гаубицу, ко всеобщей радости парней, переименовали в Сашку Пол Шестого. Как говорится, сгорел чувак на работе.

И того, получается, четыре мужчинки за всю жизнь. Что-то маловато. В детском саду, когда мы с Лёшкой письками в папу-маму играли – это не считается. После развода уже почти десять лет ни-ко-го! Что за за жизнь... За это время никто даже не сделал попытки посягнуть на мою девичью честь. Никто, кроме шефа. Он пытался, но увидев его изделие, исполненное природой в стиле минимализм, я не смогла сдержаться и заржала. Психологическая травма, нанесённая шефу, сказывается на моей зарплате до сих пор.

И тут, как током долбануло. Толик! Как же я могла тебя забыть, солнечный мой мальчик, как?

Это было за неделю до свадьбы. Нет, не последняя ****ь я, нет. Я своего мужа никогда не любила. Просто надо было спасти брата, которому светил реальный срок за превышение необходимой самообороны. Денег в семье не было. Их тогда почти ни у кого не было. Пришлось срочно влюбиться и забеременеть. До суда. Будущая свекровь работала в прокуратуре. Дело переквалифицировали в «по неосторожности» и отпустили. С братом с тех пор почти не общаемся. Он через день после суда увидел нас вместе и сразу всё понял, не дурак. Теперь при встрече опускает глаза, а мне хочется на месте провалиться. Беременность, естественно, «рассосалась», а страсти со временем поутихли.

Карасёв, в общем-то, был парнем неплохим, но ненависть к его матери автоматически перекинулась на сына и заставить себя изменить к нему отношение за десять лет проведённых в браке я так и не смогла. Это тот самый случай, когда слову брак возвращается его первоначальное, истинное значение.

Толик спас меня тогда. Возможно и не подозревая об этом. От попытки выброситься в окно с девятого этажа.

Городская знать отмечала день рождение какого-то местечкового князька, теперь уже не помню, кого именно. Мне по статусу «невеста» в сопровождении жениха, уже позволено было посещать мероприятия подобного уровня.

Неожиданно нахлынувшее отвращение к самой себе неумолимо толкало всё больше и больше наклоняться через окно навстречу распластавшемуся внизу, засыпающему городу, чтобы навечно уснуть вместе с ним.

– Тошнит? – и не дождавшись моего ответа, голос из глубины комнаты добавил, – Надо ложку соды растворить в стакане воды и выпить. Легче станет.

– А ты, кто?

– Твой ангел хранитель!

Мы дружно рассмеялись. Не знаю, от чего. Вроде бы, ничего смешного в ситуации и в его словах не было.

Он сидел на диване. Белокурый, длинновязый, худощавый, какой-то нелепый и неуклюжий, в слабом лунном свете напоминавший инопланетянина. Примостившись рядом и прижавшись к нему, сразу же почувствовал разливающееся по телу тепло.

– Хочешь, я подарю тебе кусок сказки?

– Какой?

– Сладкий-пресладкий!

– Хочу!

– Тогда закрой глаза.

Он целовал, как молодой бог, как настоятель храма Камасутры, если такой в природе, конечно, существует. Хотелось распастись на молекулы и раствориться в нём, соединиться в единое целое. Два бьющихся рядом сердца создавали такую волну страсти, что она с головой накрывала любовников. Мы парили в этой стихии, как две манти в глубинах океана, пиявками прижимались и впивались друг в друга, изгибались змеями и замирали, чтобы насладиться состоянием невесомости.

А когда пришла в себя, его уже рядом не было. Да и был ли он вообще? До это письма из прошлого, я, если честно, в этом очень сильно сомневалась. Приведя себя в порядок, я вернулась в торжество, но его среди поздравлянтов не обнаружила. Мои расспросы почти ничего не дали. Удалось только выяснить, что одного из гостей по имени Толик срочно куда-то вызвали. Мой это был Толик или нет – не известно.

Для меня он в воспоминаниях остался солнечным мальчиком. В самые трудные моменты жизни я почему-то вспоминала именно о нём, вот.

Двадцать лет – это почти вечность. Как же он изменился – ужас! Почти не узнать. Да не почти, а вообще не узнать. Если бы не эти белые кудри, которые я приняла за седину, то ни за что бы не поверила, что это он. Уж очень сильно его образ отличался от той иллюзии, которая осталась в моей памяти. Но всё равно чертовски приятно! Помнил все эти годы, с ума сойти!

И ответила, дура. Обнажилась в мыслях до гола, пересказала всё, что тогда ощутила, что почувствовала каждым квадратным миллиметром своей кожи, рассказала о глубине, в которую тогда нырнула и о высотах, в которых парила. Рассказала о своих переживаниях и чувствах, которыми всё это время не с кем было поделиться. Под конец поблагодарила за сладкий-пресладкий кусок сказки. А в ответ ковш холодной вода на раскалённые камни: «Ну ты и ****!» Да на тебе, сука, оказывается, пробы негде ставить. Я, можно сказать, с чувствами к ней, все эти годы её нежный образ в себе ношу, а она ****ует направо и налево. Какое день рождение, шизофреничка? Мы с тобой, шалава подзаборная, в одном купе в Москву ехали. Забыла, стерва, что ли?»

Так мне и надо, кретинке! В памяти моментально всплыла незабываемая ночь с тем упырём. Только пригрозив облить его кипятком и вызвать начальника поезда, удалось немного остудить пыл недоноска. Вонючее и сопливое чмо! Не помню, чтобы он тогда назвал своё имя. Впрочем, могла и не обратить на это внимание.

Как же стыдно, мамочки. Так стыдно в последний раз было, когда в восьмом классе на спор стянула с себя перед парнями трусы и засунула в карман. И вроде бы ничего не видно, но почему-то в разы стыднее, чем, когда парни подглядывали в замочную скважину, когда мы переодевались в девчачей раздевалке перед и после физкультуры.

Аккаунд в Одноклассниках тут же, не отходя от компа, покончил жизнь самоликвидацией.

Уже рассвело. Проснулись первые трамваи и зашустрили по своим маршрутам. Трясушимися руками я достала последнюю сигарету, скомкала пачку и выбросила в открытое кухонное окно.

– Девушка, вы почему хулиганите?

Внизу, напротив окна на тротуаре стоял улыбающийся мой солнечный мальчик.

Памятка принцу

Возьмите лист бумаги алого цвета формата А4 и сложите его пополам, а потом ещё раз пополам. Два угла образовавшегося прямоугольника заворачиваем к центру так, чтобы внизу остались полоски 1—2 сантиметра. Теперь следует загнуть эти полоски с обеих сторон вверх. Далее выгибаем нашу модель так, чтобы получился ромб, а нижние части ромба загибаем вверх. А потом отгибаем края и вуаля – у нас получился кораблик. Срочно ищем любую лужу и отправляем кораблик в плавание. Поторопитесь, Ассоль заждалась его!

Весенняя повесть

Город кишел, как муравейник. Непосвящённому в уличную суету казалось, что вся эта масса человеческих особей имитирует броуновское движение, настолько хаотичными и бессмысленными выглядели их передвижения со стороны.

Весенние распродажи в этом году начались ещё задолго до того, как с крыши домов навстречу тротуарам и макушкам потянулись первые сосульки, но народ чего-то там выжидал и не торопился приобретать все эти босоножки, платица, футболки и шортики.

По мере таяния снега, людской поток в торговые центры и бутики медленно увеличивался и вот, когда дамам уже стало неприлично срывать свою обворожительную грудь и шикарные ноги, они устремились штурмовать отголоски большой моды, которые выносила сюда река китайской ширпотребной промышленности. Битва за тряпки, которые должны лучше раскрыть перед мужчинами всю их женскую сущность, началась!

Мужская половина населения вынуждена была последовать следом, так как кто-то должен был носить за ними все эти баулы с трусиками, бюстгальтерами и кусочками разнообразных тканей, которые предназначены только для того, чтобы красочно оформить демонстрацию пупков, декольтировать грудь и раскрыть перед нами всё великолепие своих ягодич.

Перед брошенными в атаку гендерными различиями вся твёрдость характера сильного пола становится похожим по своей консистенции на тряпку, он капитулирует и поднимает руки с портмоне, набитыми кредитками и налом. Вся эта пресловутая твёрдость мужского характера прекрасно пилится умелыми языками, говорит народная мудрость.

Да и винить женщин в коварстве нельзя, так как слабый пол, потому и называется слабым, что имеет слабость к шопингу. Это, скорее, натура и с этим надо просто смириться. С генами спорить бесполезно. После того, как женщина перестала быть просто бабой, она превратилась в охотницу. Ещё их бабушки ходили за мехом науке так до сих пор и неизвестного зверька под названием плюш, что уж тут говорить о молодёжи, живущей в мире полном шопинговых соблазнов.

Обо всём этом размышлял мужчина средних лет, сидя за столиком в кафе возле большого окна и наблюдая за снующими в разные стороны людьми, словно за рыбками в аквариуме. Это было его любимое заведение общепита, несмотря на то, что кухня здесь не блистала кулинарными изысками. Но цены были приемлемы, всегда находился свободный столик с видом на городскую суету и самое главное, в этом месте хорошо думалось. Лучшие свои вещи он написал именно в этом кафе.

Девушка принесла заказанную фирменную форель под острым соусом, но нашему герою показалось, что сделала она это подозрительно быстро. Обычно, на приготовление форели уходило гораздо больше времени.

Мужчина взял вилку и методом тыка, словно сапёр своим шупом просканировал рыбу.

Никаких сомнений в том, что это филе – ровесник вымершим миллионы лет назад динозаврам не было. Вилка протыкала форель с большим трудом. Скорее всего, на кухне ещё раз поджарили оставшуюся после вчерашнего банкета рыбу.

Он выразительно посмотрел на наблюдавшую за ним из-за стойки официантку. Девушка виновато опустила взгляд и покраснела до самых кончиков ушей.

Усмехнувшись, то ли реакции девушки, то ли своей проницательности, мужчина представил себя римским гладиатором, который держит меч над лежащим в пыли амфитеатра побеждённым соперником. Вот-вот зрители своим поднятым или опущенным пальцем решат судьбу несчастного.

Мужчина ещё раз взглянул на готовое от стыда провалиться сквозь землю существо за стойкой. Нет, на гладиатора эта несчастная явно не тянула, да и зрителей в кафешке не было.

«Пусть живёт», – произнёс он про себя, отковырял при помощи ножа и вилки от форели кусок и направил его знакомиться со своими пломбами. Девушка за стойкой облегчённо вздохнула.

Хорошо, что у девушки есть ещё совесть, – размышлял он, – Значит, не всё ещё потеряно. А у многих совести-то и нет...

В голове потихоньку вырисовывался сюжет нового произведения. Осталось только решить, как спешащий куда-то человек теряет совесть и не замечает, что живёт уже без неё, и только реклама в витрине одного бутика заставляет его задуматься об этом.

«Весенняя распродажа совести. Цены снижены на 90%. Количество ограничено. Не упустите свой шанс!»

Расправившись с форелью, по вкусу напоминавшей больше седло лошади Будёного или подошву прадедушкиных сапог, мужчина подошёл к стойке и расплатился.

– Сдачи не надо, – сказал он, протягивающей ему мелочь смущённой девушке.

– Но ведь... – пролепетало юное создание, прикусив нижнюю губку.

– Это за сюжет. Спасибо!

Пройдёт много лет, она обзаведётся любящим мужем и детьми, но всегда будет помнить этого странного посетителя и будет ему безмерно благодарна за то, что он тогда разбудил её совесть.

Black Coffee

- Black Coffee, пожалуйста.
- Вам, как обычно? – Без сахара?
- Да. И будьте добры, разбавьте его слегка печалью.
- Одну минутку, Элла Фицджеральд сейчас подаст.
- Просто восхитительно!
- Желаете десерт?
- Не откажусь. Обожаю «Summertime». У вас есть?
- Для вас найдём. С Луи Армстронгом хотите или без?
- С ним, конечно.
- У вас прекрасный вкус.
- Благодарю! Вы сегодня потрясающе выглядите.
- Спасибо!
- Вечером поздно освобождаетесь?
- Если посетителей не будет, могу закрыться пораньше.
- Не возражаете, если я вас сегодня, – и после небольшой паузы, – Провожу?
- Люблю решительных мужчин.

В этой паузе вся суть. Главное, не передержать. Намёк должен быть очень тонким, почти незаметным. Только тот, кто хочет, должен его увидеть. Но и совсем без него тоже не обойтись. Лёгкий флирт – только так. Нельзя строить из своих слов ловушку. Всегда должен оставаться выход из неё для обоих. В паутине из слов девушка может почувствовать себя добычей и тогда включится инстинкт самосохранения. На этом этапе игры не должно быть хищника и жертвы. И не делайте лицо серьёзным. Только живое, открытое, искреннее лицо с мелькнувшей на нём в нужный момент улыбкой способно обезоружить лучше, чем стокаратовый бриллиант.

Вы заметили, что кошка, когда её начинаешь гладить, закрывает глаза?

Понаблюдайте за девушками. Когда им говоришь ласковые слова, они автоматические опускают ресницы. Думаете, зачем они их наращивают? – Для усиления производимого эффекта, естественно. Они научились этим пользоваться. Они научились нас провоцировать. В каждой женщине есть что-то от кошки.

У включившейся в игру девушки меняется походка. Все ваши мысли сосредотачиваются на вполне конкретном месте. Поднятая глубоким вздохом грудь – это уже контрольный выстрел. После него её губы будут ассоциироваться у вас исключительно с поцелуем.

Даже, если вы и сохранили до сих пор способность соображать, в этот момент надо сделать вид, что вы поймались, что вы поражена наповал. И тогда ваша избранница, думая, что полностью контролирует ситуацию, расслабится и отдастся во власть своим желаниям и фантазиям.

Кто-то там сказал, что эту барменшу нельзя снять? Разумеется, нельзя. Такую девушку надо понять, почувствовать её, открыть в ней Вселенную. Только тогда вам удастся слиться с этой Вселенной воедино. Только тогда вам двоим откроется космос страсти, ласки и наслаждений.

– Дорогой, будь другом, сделай мне чёрный кофе. Мне никто ещё не приносил кофе в постель. Ну, пожалуйста.

– А что ты мне за это дашь?

– Что дам?

Вот, чертовка! Снятые тут же под одеялом чёрные, почти невесомые трусики она медленно крутит на пальце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.